Андрей Киштымов
(Минск)

Вопросы экономического развития Беларуси и белорусская национальная идея в начале XX в.

После окончания первой мировой войны новые европейские границы были границами новых национальных государств. Однако Беларусь не только не стала полноценным европейским государством, но и потеряла территориальное единство своих земель.

Поиски ответа на вопрос: „Почему в начале XX века практически так и не была реализована идея обретения белорусской государственности?" — являются одной из самых актуальных тем белорусской историографии последнего десятилетия. При этом основное внимание уделяется политическим и национально-культурным аспектам этой проблемы. В тени остается ее экономическая составляющая. Еще менее исследовано соотношение идеологии белорусского национального Возрождения и реальных задач белорусской экономики, место экономических вопросов в основном русле белорусской национальной идеи, историческая перспектива взглядов белорусских идеологов на экономические основания белорусской государственности.

Что же представляло из себя белорусское народное хозяйство в начале XX века? Верно ли утверждение советской историографии, будто Беларусь была лишь отсталой аграрной окраиной, с редкими островками промышленности, единственным достижением которой стало создание предпосылок для победоносной социалистической революции? Впрочем, тезис об экономической отстало-

сти Беларуси активно поддерживается и оппонентами советской пропаганды, но только как свидетельство ее „колониального” статуса. Здесь обе точки зрения, по сути, смыкаются. Попробуем разомкнуть этот круг.

Для Российской империи XIX начало XX вв. отмечены серьезными трансформациями в экономической жизни, которые затронули ее технико-организационные основы (в этом отношении первостепенное значение имело рождение фабрично-заводского производства и железнодорожное строительство) и имели важные социальные последствия: шло формирование как пролетариата, так и буржуазии, в том числе и ее элиты — предпринимателей. На старой картине традиционного аграрного общества все более четко проступали черты нового — индустриального общества.

Белорусские земли не стояли в стороне от этого процесса. Причем здесь переживаемая трансформация тесно переплеталась с непростым процессом их адаптации в состав Российской империи. Три, а учитывая передел после эпохи наполеоновских войн — четыре раздела земель былой Речи Посполитой не только не разрешили, а скорее усугубили проблемы, стоявшие перед Россией на Западе. Только из проблем внешней политики они превратились во внутренние проблемы самодержавия.

Частью этих проблем являлись „вопросы”: польский, еврейский, а, применительно к Беларуси — с середины XIX века — и белорусский. Знаменитая триада: „православие, самодержавие, народность” здесь явно давала осечку.

Вплотную столкнувшись с католицизмом, униатством, иудаизмом, православие очутилось в сложной ситуации и оказалось способным обосновывать свои претензии на обладание религиозной истиной только при помощи мощной государственной поддержки.

Само государство в лице самодержавия было способно править и управлять лишь при помощи системы чрезвычайных мер и раз за разом — введением генерал-губернаторств, военного положения, системы особого законодательства и многочисленных административных ограничений — лишь подчеркивало политическое и правовое отличие вновь приобретенных земель от центральных российских губерний.

Картину монолитной верноподданной „народности” безусловно „портили” лица польской и еврейской национальностей. Да и самих белорусов — аборигенов здешних мест, приходилось усиленно убеждать, что они — это не они, а лишь несколько испорченная поляками часть великорусского племени. Причем такая „западнорусская” пропаганда не имела большого успеха: сначала в силу поч-

ти поголовной неграмотности белорусского населения, а потом — как раз наоборот.

Естественно, проблемы российской общеимперской идеологии и административной практики на Беларуси не могли не сказаться и на развитии ее экономики. Она, безусловно, жила по своим законам, но под пресингом государственной политики самодержавия.

Ко времени инкорпорации в состав Российской империи на белорусских землях сложилась довольно четкая „прописка" проживавших здесь этносов по отношению к отдельным отраслям экономики: крестьянин-белорус, поляк-помещик, еврей-торговец или ремесленник. Конечно, такое наблюдение не стоит абсолютизировать, но, как определенная историческая модель, это несомненно имело место. В XIX веке число действовавших в экономической сфере лиц дополнилось фигурами наемного рабочего, заводчика и фабриканта, банкира, администратора государственного предприятия. Что же касается этнической принадлежности субъектов экономики, то, во-первых, она была разбавлена „русским элементом", а во-вторых — стала более пестрой: строгая привязка этносов к определенным видам экономических усилий, которую в некоторой степени можно считать наследием феодализма, ослабла. Особенно ярко такая тенденция проявилась при формировании нового социального слоя предпринимателей. В этом сказалось нивелирующее воздействие экономики новой капиталистической эпохи.

К созданию собственного структурированного экономического пространства Беларусь шла веками. Особенно интенсивно этот процесс проявил себя во второй половине XIX — начале XX века. Тогда явственно обозначились и некоторые его итоги.

Экономические реалии, в рамках которых шло формирование белорусской нации и становление белорусской государственности, пока еще изучены недостаточно полно. Как количественно, так и качественно исследования экономической истории Беларуси явно уступают работам по ее политической или военной истории, истории ее культуры. Данный тезис легко подтвердить и обосновать даже без обширного историографического обзора.

Кроме того, оценивая развитие отечественной экономики, белорусские советские историки предпочитали оперировать с искусственно выведенными средними числами и экономически малограмотными некорректными сравнениями несравнимых величин. Эта практика не изжита и сегодня. Так, авторы третьего издания вузовского учебника *Эканамічная гісторыя Беларусі* на основании таких подходов, говоря о начале XX века, вновь повторяют старый вывод о том, что „узровень прамысловага развіцця Беларусі заста-

ваўся па-ранейшаму ніжэйшым, чым у цэлым у Расійскай імперыі", „Беларусь і ў 1913 г. працягвала заставацца ў гаспадарцы Расійскай імперыі аграрным раёнам"[1]. Авторов не заботит сравнение несравнимого, части и целого, и то, что данные выводы крайне плохо согласуются с приведенными здесь же цифрами: „З 1900 па 1913 г. нацыянальны даход Беларусі вырас удвая, падняўшыся з 536 млн. да 1 млрд. руб."[2]

Никогда более в своей истории Беларусь не знала таких высоких показателей роста национального дохода за столь короткий период. В чем же секрет? Дело в том, что в экономике в первую очередь важна динамика, а не статика; качественные, а не количественные показатели. Именно сложение этих динамических и качественных показателей привело к такому успеху.

Подходить к народному хозяйству Беларуси начала XX века с порочным инструментарием оценки социалистической экономики ошибочно. Цифры вала и плана здесь не работают. Это при социализме все шло в „общий котел", из которого покрывались и общие убытки. Капитализм индивидуален в силу индивидуальности прибыли и убытков каждого собственника. Средние цифры мало что говорят для его оценки, ведь в нем нет среднего капиталиста, как и среднего рабочего или крестьянина, среднего надела земли, как и средней фабрики, завода или поместья.

В XIX — начале XX века любое достижение экономического успеха было неразрывно связано именно с рыночной экономикой, которая одновременно стала одним из наиболее мощных факторов консолидации общества. Рынок не просто объединял экономические усилия отдельных индивидов, он, при отсутствии собственной национальной государственности, постепенно занимал свое место в ряду таких традиционных индикаторов и интеграторов социума и национального единства, как язык и культура.

До Великих реформ 60-70-х гг. XIX в. Беларусь была аграрным обществом с элементами торгового капитализма. Затем, вплоть до начала первой мировой войны, она испытывала модернизацию этого общества, которая с разной степенью интенсивности протекала в экономической, социальной, культурной и политической сферах. При этом на рубеже XIX — XX вв. на Беларуси практически сложился весь „строительный набор" для становления индустриального общества. Правда, разные его элементы пока лишь обозначили свое присутствие и существовали скорее как потенциал, не

[1] *Эканамічная гісторыя Беларусі*, выд. 3-е, дапоўненае і перапрацаванае, Мінск 1999, с. 209.

[2] Там же, с. 209.

выявив в полной мере ни свои возможности, ни реальную силу в будущем. Мешало отсутствие белорусской государственности, создание которой стало главной национальной проблемой XX века. Если конец XVIII — 50-е годы XIX вв. создавали экономические условия формирования белорусской нации[3], вторая половина XIX в. обеспечила экономическую почву для ее становления, то в начале XX в. народное хозяйство Беларуси было вполне способно выполнить роль экономической составляющей национальной государственности.

Анализ экономического потенциала Беларуси начала XX века целесообразно начать не с экономических новаций, порожденных прошлым — XIX столетием, таких как фабрично-заводское производство, банковское дело или создание принципиально новых железнодорожных транспортных путей, а с рассмотрения эволюции аграрного сектора ее экономики. Во-первых, он был экономической основой предыдущего феодального периода; во-вторых, именно здесь были сосредоточены основные экономические усилия самих белорусов.

Земля была стержнем феодального порядка, основой военной, юридической, административной и политической системы. Ее статус и функции определялись законодательно утвержденными нормами. В средневековье земля была больше, чем товар. Характер отношений человека к земельной собственности во многом определял его место в феодальной иерархии и обществе.

Иное дело — рыночная экономика. Она должна включать в себя все элементы производства, в том числе труд, землю и деньги. Отмена крепостного права означала раскрепощение труда. Изменилось и отношение к земле. Потенциальным участником земельного рынка мог теперь стать любой, а не только представитель дворянского сословия. Экономическая ценность земли при этом нисколько не уменьшилась, а, наоборот, многократно возросла. „Покупайте землю, — советовал читателю американский сатирик Уилл Роджерс, — а то ее больше не делают". В этой шутливой формуле больше смысла, чем в многочисленных аграрных экспериментах, которые проводились на белорусской земле за последнее столетие.

Цену земле наши предки знали. Причем не только крестьяне, о вековечной тяге которых к земле так много сказано и написано. Но и те, кто владел немалыми земельными угодьями, многочисленны-

[3] Об этом подробнее см.: А. Кіштымаў, *Эканамічныя ўмовы фарміравання беларускай нацыі ў канцы XVIII — 50-х гадах XIX ст.*, [в:] *З глыбі вякоў*, вып. 2, Мінск 1997, с. 79-100.

ми помещичьими имениями, которые сохранились и после отмены крепостного права.

Мир старинной белорусской усадьбы сложился во времена Великого княжества Литовского, Речи Посполитой и Российской империи. В конце XVIII — первой половине XIX в. исходной базой для эволюции экономики по-прежнему являлось сельское хозяйство. Именно там были сконцентрированы основные финансовые, сырьевые и трудовые ресурсы. Уже в тот период отдельные белорусские имения стали местом проявления экономической инциативы и стремления хозяйствовать по-новому. В полную силу эта тенденция проявила себя после отмены крепостного права.

Положение в аграрном секторе экономики Беларуси второй половины XIX — начале XX в. имеет больше общих черт с современным ему сельским хозяйством Польши и прибалтийских губерний, чем с положением в великорусских губерниях. Основным отличием от общероссийской модели стало сохранение и устойчивое развитие здесь крупных и средних помещичьих хозяйств.

Белорусские усадьбы XIX — начала XX века не замыкались сами в себе по принципу „натурального хозяйства", а тысячами нитей были связаны с рынком и рыночными отношениями. Вполне понятно, что владелец стремился не только сохранить полученную продукцию, но и переработать, утилизировать ее, ориентируясь на потребительский спрос. Поэтому органичной частью хозяйственного усадебного комплекса стало то, что в терминологии тех лет называлось „сельской промышленностью".

Общая экономическая тенденция хозяйственной жизни белорусских имений на протяжении XIX — XX веков оставалась практически неизменной. С одной стороны это была все более выраженная ориентация на рынок, с другой — расширение производства и его специализация. Экстенсивные методы ведения хозяйства постепенно сменялись интенсивными.

Такой тип сельскохозяйственного производства сформировался в белорусских губерниях не сразу. Отдельные его черты накапливались и проходили строгий экономический отбор в течение столетия. Это был путь от экономических экспериментов к созданию устойчивого рентабельного сельскохозяйственного производства.

Белорусские помещики лучше своих соседей сумели приспособиться к рыночным условиям. В определенной мере именно в сфере сельскохозяйственного производства дворяне-католики взяли своеобразный экономический реванш за свое поражение в трех восстаниях против царизма.

На примере модернизации сельского хозяйства отчетливо видно, как „дух капитализма", по меткому выражению Макса Вебера, проник и в эту традиционную отрасль белорусской экономики. Убедительными примерами успешного ведения предпринимательской деятельности в аграрном секторе белорусской экономики являются хозяйство графов Хрептовичей, костяк которого составляли три основных имения — Бешенковичи, Вишнево и Щорсы; Высоко-Литовское имение графини Марии Ксаверьевны Потоцкой; ряд имений в Оршанском уезде, принадлежавших помещикам Менжинским. Число этих примеров можно легко умножить. Так, своеобразный групповой портрет образцовых сельскохозяйственных производств Беларуси на рубеже XIX-XX вв. содержится в материалах, собранных Департаментом земледелия Министерства земледелия и государственных имуществ[4]. Хозяйства в этом справочнике сгруппированы по губерниям, справки по каждому имению составлены по достаточно полной и стройной схеме: адрес, владелец, количество земли, состояние полеводства, скотоводства, птицеводства, наличие сада, хмельника, пасеки, лесное хозяйство, технические производства. Наименьший размер белорусского имения, упомянутого в этом издании — 150 десятин (имение Судовщина, Мстиславского уезда, владелец Н. М. Черневский), наибольший — 74 720 десятин (имение при местечках Чечерск и Жлобин, Гомельского и Рогачевского уездов, владелец граф Ип. И. Чернышов-Кругликов). Всего в этом справочнике приведены данные о 144 поместьях из Беларуси.

Проведенное нами дополнительно исследование материалов сельскохозяйственных и универсальных выставок, как российских, так и зарубежных, показало, что подавляющее большинство имений, названных в этом справочнике, являлись их участниками, причем неоднократными, и удостаивались наград. Кроме того, просмотр соответствующих материалов свидетельствует, что владельцы этих хозяйств зарекомендовали себя в качестве активных деятелей сельскохозяйственных обществ разного профиля. Это достаточно весомые доказательства в пользу действительной информационной ценности названного выше источника.

В целом, в аграрном секторе белорусской экономики лидировали те помещичьи хозяйства, которые сумели продемонстрировать свою экономическую устойчивость в новых условиях, после отмены крепостного права. К этому времени сложилось устойчивое понятие — „доходное имение". Зато почти полностью исчезло упо-

[4] *Краткие сведения о некоторых русских хозяйствах*, изд. 2-е, вып. 3, Санкт-Петербург 1902.

минание о ведении хозяйства на английский, немецкий или швейцарский „манер". Это свидетельствует о выработке собственной, а не заимствованной, модели аграрного производства, более органичной и адаптированной к местным условиям.

Корреспонденции сельскохозяйственных периодических изданий показывают, что современники довольно уверенно называли ведущие сельскохозяйственные производства своего времени. Когда, например, в 1912 г. Центральное Общество сельского хозяйства в Царстве Польском обратилось в Минское Общество сельского хозяйства с просьбой указать адреса тех имений, „в которых ведется хозяйство на основах новейших достижений науки и практики, в направлении извлечения наибольшего дохода из земледельческой культуры, и в которых лица, окончившие курс высших учебных заведений, могли бы с пользой для себя открывать сельскохозяйственную практику", то, по мнению Общего собрания, этим условиям отвечали хозяйства графа Г. Э. Чапского, Л. Ф. Наркевича-Иодко, К. И. Святицкого, О. Ю. Свиды, Л. И. Регульского, Р. А. Скирмунта, Я. В. Трусколяской, Б. К. Залесского, М. В. Ястржембского, С. А., П. С. и П. Л. Ваньковичей[5].

На рубеже XIX — XX столетий экономическая селекция белорусских помещичьих имений практически завершилась. Часть их, например Высоко-Литовское имение княгини Марии Ксаверьевны Потоцкой, соответствовали лучшему мировому опыту ведения сельского хозяйства.

Выжили те, кто сумел в полной мере воспользоваться новыми экономическими условиями. А лидерами явились те, кто, усвоив рыночные отношения, пошел дальше — своей экономической деятельностью стал непосредственно влиять на состояние рынка.

Аграрный сектор наиболее ярко и убедительно свидетельствовал о той решающей роли в развитии экономики, которую стали играть в новую эпоху предприниматели. Огромные земельные владения теперь не могли гарантировать ни устойчивого роста, ни, хотя бы, стабильности доходов владельца. Только там, где на первый план выходили предпринимательские способности владельца, помноженные на умелое использование новых экономических реалий и технико-технологических новаций, стало возможно достижение экономического успеха.

Каждое доходное имение производило не только продукцию, но и воспроизводило, репродуцировало самое себя и свои черты в окружающем экономическом мире. Это был зримый пример возмож-

[5] *Журнал Общего собрания Минского Общества сельского хозяйства 2 июня 1912 г.*, Минск 1912, с. 2-3.

нодостижимого уровня сельскохозяйственного производства в данном регионе, полигон для отработки новых сельскохозяйственных экономических моделей. Такие имения становились образцом для других землевладельцев и содействовали подъему сельскохозяйственного производства не только наращивая собственное производство, но и продавая элитные семена, породистый скот, готовя умелых работников и администрацию. Они знакомили с новой сельскохозяйственной техникой, выполняли ее ремонт, а иногда и занимались ее производством.

Для всех, кто работал в образцовых сельскохозяйственных производствах, от управляющего до батрака и поденщика, они становились, по-сути, школой овладения методами хозяйствования на земле по-новому. Это было зримое проявление черт новой культуры — культуры индустриального общества, культуры экономической, культуры производства.

А как адаптировался к новым экономическим условиям крестьянский мир Беларуси? Или верно, что все, происходившее после отмены крепостного права, можно свести лишь к „ограблению" крестьян, „крепостническим пережиткам", гнету и бедствиям? В белорусской историографии за общими среднестатистическими цифрами и рассуждениями о растущем обезземеливании крестьян как-то потерялся хотя и замедленный, но несомненный прогресс крестьянского хозяйства.

„Жизнь деревни, — отмечал М. В. Довнар-Запольский, — перерабатывается под влиянием двух условий: общего роста культуры и экономических условий"[6]. К началу XX столетия эта „переработка" дала свои очевидные плоды. Точная и яркая оценка состояния сельского хозяйства и общего экономического положения Беларуси принадлежит Антону Луцкевичу: „Впрочем, несмотря на неблагоприятные условия, в крестьянском хозяйстве северо-западного края можно отметить некоторый прогресс, или, по крайней мере, тенденцию к прогрессу. Господствующая трехпольная система местами сменяется четырехпольной; примитивные орудия труда понемногу вытесняются более усовершенствованными; нередко встречается и искусственное удобрение. Стремление к переходу к хуторскому хозяйству в Белоруссии и соседних с ней губерниях проявляется сильнее, чем в остальной России. В то же время среди помещичьих хозяйств часто встречаются образцовые, поставленные на капиталистических основах. В относительном (в сравнении с большей частью России) прогрессе сельского хозяйства у белорусов сильно сказывается близость границы, культурное влияние Запада, шедшее

[6] М. В. Довнар-Запольский, *Исследования и статьи*, т. 1, Киев 1909, с. 278.

через Польшу, и торговые сношения с Европой, установившиеся еще несколько веков тому назад, благодаря удобным путям сообщения (например по рекам Неману и Западной Двине). На укрепление и развитие торговли за границей сказала свое влияние и хорошо организованная внутренняя торговля. Последняя сосредоточивается не только в немногочисленных больших городах, но производится, что особенно важно, в массе мелких местечек, населенных преимущественно евреями, играющими, как известно, чрезвычайно важную роль в местной торговле; и таким образом, сельское население имеет возможность на местных рынках сбывать все, что только дает сельское хозяйство, равно как и получать нужные ему продукты, что, понятно, имеет огромное значение для крестьянского хозяйства"[7].

Как государством, так и обществами сельских хозяев и сельскохозяйственными кружками среди крестьян велась активная работа по пропаганде новых, передовых методов в агрокультуре и ведении хозяйства. Особенно оживилась она во время столыпинской аграрной реформы. Менялось экономическое мышление белорусского крестьянина, его понятие собственности, отношение к работе, способность к хозяйственным новациям, проявлялись крестьянская предприимчивость и крестьянское предпринимательство[8]. В полной мере это сказалось уже после Октября 1917 года. Слуцким повстанцам и участникам антибольшевистского крестьянского сопротивления было что терять и было что защищать.

Под влиянием технического переворота полностью изменилось лицо белорусской промышленности. XIX век начался как век пара, а заканчивался как век электричества. Причем появлению на своей земле и первых паровых двигателей, и первой электростанции, Беларусь обязана именно частной инициативе и усилиям отечественных предпринимателей. Первые фабрики с паровыми двигателями в белорусских местечках Хомске и Коссово принадлежали слонимскому помешику и промышленнику Войцеху Пусловскому. В 1824 году прошли успешные испытания на Соже первого белорусского парохода, построенного англичанином-механиком Адамом Смитом по распоряжению владельца Гомельского имения графа Николая Румянцева. А в 1889 году дала ток электростанция в Добруше — первенец белорусской электрификации.

[7] А. Новина, *Белорусы*, [в:] *Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия. Россия. Германия*, Санкт-Петербург 1910, с. 388-389.

[8] А. Л. Киштымов, *Эволюция экономического мышления белорусского крестьянина: от отмены крепостного права до Октября 1917 г.*, [в:] *Наш Радавод*, кн. 7, Гродна 1996, с. 278-282.

Рыночная экономика влекла за собой рост всех видов коммуникации и информации. Нет ничего удивительного в том, что обширные программы строительства новых путей сообщения: прокладка шоссе, сооружение водных каналов, создание железных дорог, возникновение других видов коммуникаций, например, регулярной почты и телеграфа, в Российской империи инициировались государством и чаще всего велись за казенный счет или с государственными гарантиями. С одной стороны, это продолжение существовавших в России еще с петровских и даже допетровских времен исторических традиций „насаждения" промышленности и технических новаций сверху, по царскому или императорскому указу. С другой — в XIX веке, особенно в его первой половине, представители нового слоя промышленников и помещиков, тесно связанных с рынком, еще не стали экономическими „тяжеловесами", способными инвестировать немалые средства в развитие путей сообщений. Это было пока под силу только государству.

В отличие от частных предпринимателей самодержавие на Беларуси в своих экономических действиях руководствовалось прежде всего не задачей получения прибыли, а соображениями общегосударственного и военно-стратегического характера (водные пути, шоссе, железные дороги, почта, телеграф). Государственное предпринимательство занималось обслуживанием непосредственно возникавших нужд (Брестский крепостной кирпичный завод, железнодорожные депо и мастерские, несколько шпалопропитных заводов, хлебопекарные и сухарные заводы военного ведомства), утилизацией принадлежавших казне лесов (немногочисленные казенные лесопильные и лесохимические предприятия) и, в редком случае, стремлением наладить образцовое производство (Горы-Горецкий механический завод).

Однако, несмотря на такое, казалось бы, явное нарушение основного принципа свободного предпринимательства, как стремление к достижению максимально возможной прибыли, лучшие образцы казенных предприятий могут быть интерпретированы как примеры предпринимательской деятельности, а их руководители — отнесены к категории предпринимателей. Дело в том, что значение государственного предпринимательства нередко выходило далеко за рамки получения непосредственной выгоды и не всегда может быть измерено прямыми денежными доходами самих казенных предприятий. Можно сказать, что государственное предпринимательство недополучая собственную прибыль, увеличивало потенциальную возможность получения прибылей частными предпринимателями. Это на них, а не только на государство, работали

казенные железные дороги, для них совершенствовались водные пути, строились шоссе, прокладывались телеграфные линии. Так что эффект государственногно предпринимательства был явно выше доходов от казенных предприятий.

Конечно, в силу объективных причин Беларусь не могла стать таким центром государственного предпринимательства как Урал или Алтай с их казенными горными заводами, Тула или Ижевск с их военной промышленностью, Кронштадские или Николаевские военные судоверфи. Наибольший размах на белорусских землях приобрели государственные усилия по строительству и эксплуатации путей сообщения — в первой половине XIX века — водных, начиная с 60-х годов — железных дорог. Довольно интенсивно велась и прокладка шоссированных дорог, хотя и ее объемы и вся дорожная сеть в целом намного уступали железнодорожному транспорту.

Железные дороги в Беларуси первоначально сооружались частными акционерными компаниями, в том числе и с привлечением зарубежных, например, английских капиталов. В дальнейшем их строительство и эксплуатация стало важнейшим видом государственного предпринимательства. Дело в том, что в начале 80-х годов XIX века, в связи с реорганизацией всей системы железнодорожного транспорта Российской империи, возник вопрос о выкупе частных железных дорог в казну. В данном случае Россия следовала примеру таких западноевропейских стран как Бельгия и Германия, где железные дороги почти полностью перешли в руки государства. Введение в конце 80-х годов государственной монополии на железнодорожные тарифы усилило форсированный выкуп частных железных дорог и организацию казенного сектора железнодорожного транспорта. К концу века государственными стали все белорусские железные дороги, за исключением небольшой узкоколейной линии Свенцяны — Березвеч в 119 верст, которую в 1895-1897 годах построило и далее эксплуатировало частное Первое общество подъездных железных путей. Его основателем и бессменным председателем правления был крупный инженер, предприниматель и политический деятель, депутат первой Государственной Думы, уроженец Свенцянского уезда Болеслав Яловецкий.

Теперь казна стала нести расходы и на строительство новых железных дорог, в том числе и тех, которые прокладывались в белорусских губерниях. Интересный и поучительный исторический опыт возникновения и развития белорусского железнодорожного транспорта достоин отдельного обстоятельного рассказа. К началу первой мировой войны пять белорусских губерний имели железнодорожные линии общей протяженностью более 3 800 км. По

степени насыщенности железными дорогами они занимали одно из первых мест в Российской империи. Характерно, что в то время из Беларуси на Запад вело семь железнодорожных „коридоров". Сейчас же, как известно, в строю всего два.

Отметим, что в целом вплоть до 1910 года железнодорожное дело оставалось убыточным для казначейства Российской империи. Покрывая ежегодный дефицит из бюджета, государство фактически дотировало тех, кто пользовался услугами железных дорог.

И в прямом, и в переносном смысле именно железные дороги стали тем локомотивом, который потянул за собой белорусскую экономику. Они дали ей мощный импульс развития и во многом стали определять ход процессов экономического развития и ее урбанизации.

Среди экономических показателей деятельности железных дорог интересен и красноречив баланс грузооборота белорусских железнодорожных станций. По нашим подсчетам в 1913 г. на них прибыло 191 054 тыс. пудов груза и отправлено 206 295 тыс. пудов[9]. Убедительное свидетельство в пользу самодостаточности экономики Беларуси тех лет!

К началу XX века технический переворот на Беларуси был завершен, и в основных отраслях промышленности окончательно утвердилась победа машинной индустрии. Начался процесс дальнейшего совершенствования фабрично-заводского производства[10].

С 1900 по 1913 гг. количество предприятий цензовой промышленности выросло более чем вдвое. Рядом с фабриками и заводами, как и ранее, продолжали свою деятельность многочисленные мануфактуры, мелкие предприятия, мастерские. Они больше ориентировались на местного потребителя и более зависели от перепадов экономичской конъюнктуры.

При сохранении той отраслевой структуры производства, которая сложилась на Беларуси еще в XIX в., почти в каждой отрасли произошли качественные перемены. Во-первых, более резко обозначилась роль относительно крупных предприятий — лидеров в своей отрасли, как старых, но значительно модернизованных, так и вновь построенных. Во-вторых, во всех отраслях шла техническая и технологическая перестройка и рост энерговооружения че-

[9] *Железнодорожный транспорт в 1913 г. Статистические материалы*, Москва 1925, с. 3-24.

[10] А. Кіштымаў, *Прамысловы пераварот на Беларусі*, [в:] *Матэрыялы па гісторыі Беларусі*, Мінск 1997, с. 107-110; А. Л. Киштымов, *К вопросу о промышленном перевороте и индустриализации Беларуси*, [в:] *Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь: стан і перспектывы развіцця*, Мінск 1999, с. 101-103.

рез внедрение не только паровых двигателей, но и двигателей внутреннего сгорания и электромоторов.

При этом темпы технического перевооружения в сельском хозяйстве нисколько не уступали промышленности и даже превышали фабрично-заводские показатели. Так, в 1901 г. в пяти белорусских губерниях насчитывался 1 321 фабрично-заводской паровой котел и 165 сельскохозяйственных паровых котлов — в 8 раз меньше. В 1914 г. количество фабрично-заводских котлов выросло в 1,7 раз (2 267 штук), а сельскохозяйственных — в 3,3 раза (543 штуки), причем соотношение первых и вторых теперь составило четыре к одному[11].

Качественные изменения в экономике убедительно показывает положение в лесном деле. Так, параллельно с вывозом сырого леса, на Беларуси возникла многоотраслевая промышленная переработка лесных ресурсов.

Лидером бумажной промышленности оставалась Добрушская писчебумажная фабрика (в 1913 г. — 10 тыс. тонн бумаги на сумму 3 млн. руб. при 1 400 рабочих). Значительными размерами производства отличались бумажные фабрики в Шклове и „Скина" в Лепельском уезде. Производство обоев было сосредоточено в Минске — четыре обойные фабрики.

Одним из крупнейших в Российской империи предприятий лесохимической промышленности был Выдрицкий завод сухой перегонки древесины в Оршанском уезде (в 1913 г. произведено продукции на 500 тыс. руб. при 450 рабочих).

В качестве высокотехнологичного производства, где белорусским предприятиям принадлежало значительное место, следует назвать производство спичек. Спичечные фабрики были в Пинске, Мозыре, Борисове, Ново-Борисове, Новобелице, Койданово, Вишневе, Речице, Слониме, Бобруйске. Несколько довольно крупных предприятий выпускали спичечную соломку, которая находила сбыт и за пределами белорусских губерний, шла и за рубеж, например, в США (продукция фабрики спичечной соломки в Крупках, Сенненского уезда, Могилевской губернии).

Изобретение фанеры привело к возникновению на рубеже XIX-XX вв. ряда специализированных фабрик и особых цехов на лесоперерабатывающих заводах Беларуси. Практически монопольное положение в Российской империи имела Пинская фабрика деревянных сапожных гвоздей, которая принадлежала семейству Лурье[12].

[11] Подсчитано по: *Документы и материалы по истории Белоруссии (1900-1917 гг.)*, Мінск 1953, с. 75.

[12] И. Хорош, *По промышленной черте оседлости*, „Книжки «Восхода»", 1910, № 10, с. 26-27.

Потребности железных дорог обслуживали шпалопропитные заводы, крупнейшие из которых действовали на станции Лунинец (открыт в 1902 г., в 1910 г. 135 рабочих, произведено продукции на 115 тыс. руб.) и в Мозыре (в 1910 г. 334 рабочих, стоимость продукции 216 тыс. руб.).

Кроме леса, другой традиционный белорусский товар — лен, так же стал выступать на рынке не только в качестве первоначального сырья. С 1900 г. выработку суровой и беленой льняной пряжи начала льнопрядильная фабрика „Двина" в Витебске (в 1910 г. 1 110 рабочих, 3 двигателя в 1 750 лошадиных сил, производство 120 тыс. пудов пряжи на 1,5 млн. руб.)[13]. Другая крупная льнопрядильная фабрика была основана в 1902 г. в селе Высочаны, Оршанского уезда (в 1901 г. 477 рабочих, 4 двигателя в 440 л.с., сумма производства 455 тыс. руб.)[14].

Открытие в 1901 г. ткацкой фабрики в местечке Дубровно, Горецкого уезда по выработке хлопчатобумажных, шелковых и джутовых тканей (в 1910 г. 488 рабочих, производство на сумму 622,6 тыс. руб.)[15] привело к структурным изменениям в текстильной промышленности: сократилась доля фабрик по производству шерстяных тканей.

К структурной перестройке в стекольной промышленности относится развертывание производства хрустального стекла и стекол для керосиновых ламп, стеклянных электроизоляторов. На заводе в Альбертине (Слонимский уезд) в 1913 г. начался выпуск электролампочек.

В пищевкусовой промышленности крупнейшим предприятием оставалась Гродненская табачная фабрика Шерешевского (в 1913 г. 1 400 рабочих, продукция на 3,5 млн. руб.).

Количество винокуренных заводов несколько уменьшилось, но производство возросло за счет укрупнения предприятий и улучшения технологии. Перед первой мировой войной Минская губерния вышла на первое место в Российской империи по производству спирта[16].

В целом именно тогда экономика Беларуси, и в первую очередь ее промышленность и транспорт, переживали начальный период своей индустриализации.

Экономика нуждалась в капиталах и их обороте. Банковское дело, как вершина организации денежного обращения, вводит необходимую вертикальную интеграцию в плоский мир экономических

[13] *Список фабрик и заводов России. 1910 г.*, Санкт-Петербург 1910, с. 90.
[14] Там же, с. 94.
[15] Там же, с. 18.
[16] Х. Ю. Бейлькин, *Сельскохозяйственный рынок Белоруссии 1861-1914 гг.*, Минск 1989, с. 198.

инициатив. В нем появляется четкая иерархия, ранее выраженная довольно слабо.

Функционирование финансово-кредитных учреждений обеспечивало работу экономических механизмов и служит убедительным индикатором экономических процессов. Положение в сфере финансов и кредита — не только и не столько количественный, сколько качественный показатель состояния дел в народном хозяйстве.

На территории белорусских губерний банковское дело представляло собой комбинацию государственных и частных, как акционерных, так и индивидуальных (в основном дисконтеры и банкирские конторы), кредитно-финансовых учреждений. Причем параллелизм в действиях государства и частных предпринимателей наблюдался и в отдельных отраслях кредитной деятельности — коммерческом кредите, ипотеке, ссудо-сберегательном деле. Свой отпечаток на становление структуры банковского дела Беларуси второй половины XIX — начала XX в. внесло и сословное деление Российской империи. Так, существовали отдельные земельные ипотеки для дворян и крестьян.

Создание полноценной кредитно-банковской системы в Российской империи началось с учреждения в 1860 г. Государственного банка. Затем появились частные коммерческие банки, ипотечные банки, городские банки и другие кредитные организации. Белорусские земли, являясь в то время частью Российской империи, не остались в стороне от этого процесса. В 1870-1914 гг. в Беларуси действовало 9 банков и 48 банковских отделений, многочисленные банкирские конторы, кредитные общества, ссудо-сберегательные товарищества. Самое активное участие в создании и развитии этой сети кредитно-финансовых учреждений приняли предприниматели еврейского происхождения. Причем, в силу ряда историко-экономических особенностей, в белорусских губерниях в этом деле им принадлежала почти исключительная роль[17].

Отделения Государственного банка были открыты во всех губернских городах Беларуси — Гродно, Вильне, Минске, Могилеве, Витебске.

В 60-70-е годы XIX в., одновременно с раскрепощением крестьян, шел и процесс „раскрепощения капиталов". Бум организации частных акционерных коммерческих банков охватил всю страну. Первым, в 1864 г., был открыт Петербургский Частный банк, спу-

[17] Подробнее см.: А. Л. Киштымов, *Роль евреев в банковском деле Беларуси: вторая половина XIX — начало XX вв.*, [в:] *История еврейского народа. Материалы Шестой Ежегодной Международной конференции по иудаике*, ч. 2, Москва 1999, с. 111-126.

стя год появился Московский Купеческий банк. В течение пяти лет (1864-1868 гг.) было организовано шесть акционерных банков, в последующее пятилетие — еще 33 банка[18].

Пример Петербурга и Москвы в организации коммерческих банков повлиял и на другие регионы. Они весьма остро ощущали необходимость открытия местных банков. Так, могилевский губернатор, на расмотрение которого в 1871 г. был представлен проект Могилевского коммерческого банка, подчеркнул: „При неимении в г. Могилеве кредитного учреждения, производящего ссуды, заем денег, преимущественно у местных капиталистов-евреев, чрезвычайно затруднителен и обходится весьма дорого, (...) устройство в Могилеве коммерческого банка может поэтому благоприятно повлиять на развитие в губернии торговли и сельской промышленности"[19].

Отметим сразу, что попытка „русификации" частного кредита не имела успеха. Развитие кредитно-финансовых учреждений в белорусских губерниях шло как при самом активном участии еврейских капиталов, так и с использованием богатейшего опыта ведения денежных операций евреями-финансистами.

Первый в Беларуси акционерный коммерческий банк был открыт не в Могилеве, а в Минске. Вероятно, это подтверждает правоту И. И. Левина, напрямую увязывавшего учреждение банков и строительство железных дорог[20]. В Могилеве железнодорожного движения не было до 1902 г., а Минск в 1873 г. стал местом пересечения двух важнейших железнодорожных магистралей — Московско-Брестской и Либаво-Роменской. Именно в этом году, 10 сентября, открыл свои действия Минский Коммерческий банк. Основной капитал при его учреждении составил 1 млн. руб. Согласно своему уставу, банк имел право на учет русских и иностранных векселей; выдачу ссуд под залог; получение платежей по векселям и другим срочным документам и ценным бумагам; платежи и перевод денег во все места, где находились его отделения, комиссионеры или корреспонденты; покупку и продажу государственных и частных ценных бумаг и драгоценных металлов; приема вкладов — срочных, бессрочных и на текущий счет; приема на хранение ценных бумаг и других ценностей.

С одной стороны, Минский Коммерческий банк находился под влиянием Петербургского Учетного и Ссудного банка[21]. С другой

[18] И. Ф. Гиндин, *Русские коммерческие банки: Из истории финансового капитала в России*, Москва 1948, с. 42.

[19] И. И. Левин, *Акционерные коммерческие банки в России*, т. 1, Петроград 1917, с. 181.

[20] Там же, с. 188-191.

— он сам расширял свою деятельность, открывая отделения в других городах. Первоначально такие отделения существовали в Либаве, Ромнах, Конотопе и Гомеле. Самым крупным являлось Либавское отделение. Так, в 1891 г. оно принесло 46 тыс. руб. чистой прибыли, в то время как все остальные в совокупности — 33,5 тыс. руб.[22] Затем отделения Минского коммерческого банка открылись в Житомире, Могилеве, Белой Церкви, Черкассах, Пинске, Ворожбе, Сумах, Ровно, Прилуках, довольно четко определив экономико-географическую сферу его деятельности — белорусско-украинские пределы „черты оседлости".

Пик деятельности Минского Коммерческого банка приходится на 1897 год. С ноября этого года его акции впервые начали котироваться на Петербургской бирже, и при своей номинальной стоимости в 250 руб. продавались за 310 руб. В поданной на имя министра финансов С. Ю. Витте записке, правление Минского Коммерческого банка указывало, что „банк теряет свой первоначальный характер исключительно местного минского кредитного учреждения. (...) Учтенные векселя и другие обязательства, благодаря установившейся денежной реформе, переучитываются и помещаются за границей". Поэтому правление ходатайствало о переименовании банка в Западно-Русский Учетный банк[23].

Однако, еще в 1895 г. большая часть акций Минского Коммерческого банка попала в руки Петербургско-Азовского банка, контролируемого семейством Поляковых и имевшего в Минске свое отделение. Это и предопределило его дальнейшую судьбу.

На Петербургской бирже в 1899-1906 гг. цены на акции Минского Коммерческого банка упали с 325 до 200 руб., причем начиная с 1905 г. их продажа велась даже ниже нарицательной цены в 250 руб. С 1906 г. операции банка резко пошли на убыль, 31 июля 1908 г. чрезвычайное общее собрание акционеров постановило начать ликвидацию дел, а 15 апреля 1912 г. правлением Минского Коммерческого банка был утвержден договор с Азово-Донским банком об окончательной реализации его активов и пассивов[24].

[21] Там же, с. 219.

[22] Н. С. Петлин, *Опыт описания губерний и областей России в статистическом и экономическом отношениях, в связи с деятельностью в них Государственного банка и частных кредитных учреждений*, ч. 1, Санкт-Петербург 1893, с. 375.

[23] И. И. Левин, *Акционерные...*, с. 291.

[24] *Русские банки. Справочные и статистические сведения о всех действующих в России государственных, частных и общественных кредитных учреждениях*, составил А. К. Голубев (год четвертый), Санкт-Петербург 1908, с. 60-61; З. В. Шибеко, С. Ф. Шибеко, *Минск: Страници жизни дореволюционно-*

Ликвидация самого крупного местного белорусского банка не привела к крушению всей кредитно-банковской системы региона. Освободившееся поле быстро заняли другие игроки — белорусские отделения крупнейших всероссийских акционерных коммерческих банков.

Как государственное, так и частное коммерческое кредитование взаимодействовали самым тесным и непосредственным образом. Если Государственный банк стоял в центре кредитно-финансовой системы Российской империи, то его губернские отделения выполняли такую функцию на местах. При этом их влияние не ограничивалось только прямым финансированием местных коммерчских банков и их отделений и надзором за их деятельностью. Действовали и более тонкие механизмы, видимые лишь после анализа персонального состава банковской администрации. Например, купцы А. Е. Лурье и Б. М. Пинес состояли в Учетном комитете Минского Коммерческого банка, минский купец 1-й гильдии М. И. Шабадт был членом Учетного комитета Минского отделения Северного банка, минский купец 2-й гильдии Б. С. Гольдберг — членом Учетного комитета Минского отделения Петербургско-Азовского Коммерческого банка, а после его закрытия — Минского отделения Северного банка. Одновременно все они входили в Учетный комитет Минского отделения Государственного банка.

В тени финансовых магнатов действовали, а нередко и процветали, финансовые предприниматели рангом пониже: владельцы банкирских контор, меняльных лавок и отдельные дисконтеры — частные лица, занимавшиеся учетом векселей. К январю 1910 г. по данным Министерства финансов в империи насчитывалось 287 банкирских контор и 88 меняльных лавок. По числу банкирских контор первое место занимали литовско-белорусские губернии (99 контор), затем шли привислинские (42) и южные (33) губернии[25]. Абсолютное большинство банкирских контор принадлежало еврейскому капиталу.

Банкирские конторы и дисконтеры ближе всего стояли к своему клиенту, можно сказать, что они буквальным образом шли за ним. Многие сочетали банкирские операции с ведением торговли, а иногда с владением каким-либо промышленным предприятием. Банкирские конторы брали за свои операции такой же про-

го города, Минск 1990, с. 273; *Экономика Белоруссии в эпоху империализма*, Минск 1963. с. 317.

[25] Б. В. Ананьич, *Правовое положение банкирских заведений в России (1880-е годы — 1914 г.)*, [в:] *Социально-экономическое развитие России. Сборник статей*, Москва 1986, с. 213.

цент, как и частные банки, то есть на 1,5-2% выше Государственного банка, а более мелкие конторы, в зависимости от клиентуры и услуг, брали от 12 до 24%. География распространения банкирских контор и районов действия отдельных дисконтеров была чрезвычайно широкой: от губернских и уездных городов до небольших местечек[26].

Немаловажную роль, особенно в экономических условиях белорусских губерний, играли небольшие кредитные учреждения, основанные на принципе коллективной ответственности своих членов — общества или товарищества взаимного кредита. В Беларуси первые такие общества появились в 1874 г. — в Минске, Могилеве и Витебске. Особенно бурный рост числа кредитных товариществ в белорусских губерниях, как, впрочем, и по всей Российской империи, наблюдался в годы экономического подъема перед первой мировой войной. Этот процесс охватил не только губернские и уездные города, но и местечки и села.

Если банки имели дело, в основном, с крупной клиентурой, то средние и мелкие предприниматели шире пользовались услугами обществ взаимного кредита. Часто такие общества носили специализированный характер, обслуживая определенные отрасли экономики. Например, перед первой мировой войной в Минске, кроме старейшего Минского кредитного общества, действовали: Купеческое общество взаимного кредита (с 1905 г.), Торгово-промышленное общество взаимного кредита (с 1911 г.), Лесопромышленное общество взаимного кредита (с 1914 г.), Городское кредитное общество (с 1896 г.), Ремесленное кредитное товарищество (с 1901 г.). Названия этих обществ довольно ясно указывают на то, кто входил в их состав.

Нередко кредитные общества показывали весьма высокие показатели эффективности своей работы. Полоцкое общество взаимного кредита на протяжении более десяти лет (1894-1905 гг.) ежегодно выплачивало дивиденд по 15%. А максимальный дивиденд Пинского общества взаимного кредита достиг 17%[27].

Правила экономической игры, задаваемые кредитно-банковскими структурами, объединяют в единый организм весь цикл производства — от добычи и обработки первичных сырьевых ресурсов до выпуска готовой продукции и ее реализации. Соответственно,

[26] См.: *Частные банкирские дома и конторы в России с их филиальными отделениями*, составил и издал М. Я. Аркин, Гродно 1897.

[27] *Русские банки...* (год второй), Санкт-Петербург 1897, с. 110-111; *Русские банки...* (год третий), Санкт-Петербург 1899, с. 130; *Русские банки...* (год четвертый), Санкт-Петербург 1908, с. 206-207.

с этими структурами связаны практически все сферы экономической деятельности — промышленность, сельское хозяйство, транспорт, торговля — и, как следствие, в банковском деле предприниматель не хотел, да и не мог, сосредоточиться исключительно на проблемах денежного обращения.

Экономика Беларуси не была в этом отношении исключением. Кредитно-финансовая система Беларуси второй половины XIX — начала XX в. являлась прямым отражением белорусских экономических реалий. Среди белорусских предпринимателей, имевших свои интересы в сфере банков и кредита, мы видим и помещиков, и фабрикантов, и купцов.

Еще ранее, чем стало заметно влияние на развитие хозяйственной жизни денежных потоков и финансовых структур, роль интегратора экономических усилий стала выполнять торговля. С этим видом предпринимательства были знакомы все слои населения, которые так или иначе сталкивались с ним в своей жизни. Для некоторых занятие торговлей стало предметом профессиональной деятельности.

Гипертрофируя значение производства и производственных отношений марксизм видел в торговле и рыночных ценностях исключительно следствия, не замечая, что они одновременно являются и причинами принимаемых людьми решений[28].

В первой половине XIX в. наиболее значительными и заметными фигурами в мире товаров были купцы, занятые организацией и ведением ярмарочной торговли. Урбанизация Беларуси, особенно заметная начиная с 60-х гг. XIX в., привела к значительному росту розничной торговли, и, соответственно, к расширению предпринимательства в этой области. Свидетельством трансформации белорусской торговли стало наличие в ней в начале XX века полного спектра известных в то время форм ее организации. Стратиграфия купечества в целом соответствовала этажам белорусской торговли — биржам, ярмаркам, оптовым складам, розничной торговле.

Традиции торговли на территории Беларуси имеют свою давнюю историю. К XVIII в. довольно четко выявились основные тенденции и особенности белорусской торговли: многовекторность и значительная доля экспортно-импортных операций, торговое посредничество и участие в транзитной торговле, активное вмешательство государства в коммерческую деятельность[29]. Эти

[28] Ф. А. Хайек, *Пагубная самонадеянность*, Москва 1992, с. 162.

[29] См.: А. Л. Киштымов, *Исторческий опыт международной торговли Беларуси, [в:] Проблемы развития внешнеэкономических связей Республики Беларусь. Тезисы докладов международной конференции (28-29 марта 1996 г.)*, Мінск 1996, с. 1516.

черты сохранились и после вхождения в конце XVIII в. белорусских земель в состав Российской империи, но были дополнены рядом принципиально новых отличий. В рамках Российской империи были сняты таможенные препятствия для движения белорусских товаров в ее пределах. Экономическая эволюция XIX — начала XX в. сельского хозяйства и промышленности трансформировали состав и структуру предлагаемых на рынке товаров. Решающее значение для развития торговли имело интенсивное строительство водных систем и каналов в конце XVIII — первой половине XIX в. и железных дорог во второй половине XIX — начале XX в. Свой вклад внесло и совершенствование инфраструктуры рынка, его информационное обеспечение, появление телеграфа и телефона, становление коммерческой кредитно-банковской системы начиная с 60-70-х гг. XIX в. Изменилось лицо потребительского рынка, особенно после отмены крепостного права и в ходе процессов индустриализации и урбанизации, что, в свою очередь, вело к изменению форм и методов торговли, как оптовой, так и розничной.

Несомненно, торговля развивалась вширь, шла за потребителем, осваивала новые территории и вовлекала в профессиональное занятие коммерцией все новых людей. Губернские отчеты фиксируют неуклонное увеличение числа документов, выдаваемых на право ведения торговой деятельности. Наиболее динамично выглядят показатели на право ведения мелочного и разносного торга и свидетельства приказчиков. Количественно это находило свое проявление в росте базарной, лавочной и магазинной торговли — того, что по выражению Ф. Броделя составляет „нижний этаж" рыночной экономики[30]. Однако, это не сопровождалось упадком и застоем в ее „верхнем этаже", в сфере оптовой торговли. Новым явлением стало открытие, начиная с последней четверти XIX в., оптовых складов и представительств торговых фирм. Только в Минске в 1899 г. имелось 26 складов оптовой торговли[31]. Тогда же новой фигурой в торговом мире стал коммивояжер — разъездной агент торговой фирмы, предлагающий покупателям товары по имеющимся у него образцам и каталогам.

Продолжала свое существование и традиционная форма оптовой торговли — ярмарки. Эта форма по-своему реагировала на новые экономические реалии. Наличие ярмарки означало присутствие экономического потенциала в данном регионе, местечке или городе, просьбы дать разрешение на проведение новых ярмарок, неод-

[30] Ф. Бродель, *Динамика капитализма*, Смоленск 1993, с. 28.

[31] Национальный исторический архив Беларуси, ф. 358, оп.1, д. 64, л. 63.

нократно встречающиеся в архивных документах XIX в., говорят об оживлении экономической деятельности в данной местности.

Крупные ярмарки лишь постепенно сдавали свои позиции, причем уступая не столько конъюнктуре рынка, сколько веяниям технического прогресса: почта, телеграф и газеты с их оперативностью и доступностью в значительной мере нарушили монополию ярмарок, как места по обмену информации между участниками рынка, а такое универсальное и регулярное транспортное средство, как железная дорога, в значительной мере приняло на себя объем товаров ранее концентрировавшихся на ярмарках.

Однако за архаикой ярмарочной формы скрывались более тонкие механизмы ярмарочной жизни, не дававшие ей угаснуть. Это позволяет взглянуть на ярмарки прошлого столетия не просто как ограниченное временем и пространством место встречи покупателя и продавца, а определить их как более широкий и универсальный инструмент рынка, многофункциональную торговую структуру, что позволило им по-прежнему занимать видное место в системе оптовой торговли. Новые виды оптовой торговли — биржи, торговые представительства, оптовые склады — не подменяли ярмарки, а просто надстраивали „верхний этаж" рыночной экономики.

И в этом отношении лучшей иллюстрацией является анализ положения, которое складывалось в лесном деле. Так, именно купцами были основаны все спичечные и мебельные фабрики в Беларуси, фанерное и паркетное производства. Более скромным размахом отличалось участие белорусского купечества в развитии бумажной промышленности. Оно ограничилось строительством картонно-бумажной фабрики в Шклове (1890 г.). Зато именно купцам принадлежали все обойные фабрики, производство конвертов, альбомов, конторских книг, других писчебумажных принадлежностей, большинство типографий, гильзовое производство, использовавшее бумагу. В Гродно сын харьковского купца 1-й гильдии М. Эльяшев основал карандашную фабрику[32]. Таким образом, из состава купечества формировалась новая группа предпринимателей — промышленники.

Изменения происходили и в среде купечества непосредственно торгующего лесом. В довольно устойчивую группу выделились крупные лесоторговцы, ориентированные на торговые операции в больших масштабах, в том числе и экспортного характера. Они предпочитали иметь дело с готовым лесным товаром, осуществляли его браковку и оценку, транспортировку потребителю, органи-

[32] Национальный исторический архив Беларуси в Гродно, ф. 8, оп. 2, д. 209, л. 8-11.

зовывали рынки. Одновременно шел процесс усовершенствования и усложнения характера лесной торговли, появления ее новых форм — лесных рынков и бирж.

В начале XX в. главными местами оптовой лесной торговли стали ярмарки в Гомеле и Минске. Обороты ежегодной ярмарки в Гомеле, проводившейся 1-10 января, к 1900 г. достигли 3 млн. руб. В последующие годы они снизились (1906 г. — 2,5 млн. руб., 1910 г. — около 2 млн. руб.), хотя по-прежнему оставались достаточно высокими. Одной из причин стал „упадок лесной торговли в южном горно-промышленном районе"[33]. Другой причиной стало учреждение недельной Рождественской лесной ярмарки в Минске (27 декабря — 4 января). Ее ежегодные обороты достигали более 20 млн. руб. Среди лесных ярмарок Российской империи Минская ярмарка стояла на первом месте, среди всех ярмарок — на третьем, уступая по обороту лишь Нижнегородской (167 млн. руб.) и Ирбитской (около 25 млн. руб.)[34], но оставаясь, таким образом, самой крупной общероссийской специализированной ярмаркой.

Обе ярмарки имели ярко выраженный экспортный характер. Торговые операции на них нередко финансировались банками, крупные сделки с лесом в Минске привели к замыслу учреждения специального лесопромышленного банка. Гомельская ярмарка, теряя традиционные ярмарочные обороты, приобретала черты биржевой торговли. На ней заключалось все больше контрактовых сделок, с этой целью ярмарочный комитет устроил специальный контрактовый зал[35].

Все это привело к появлению нового типа купца-лесоторговца — хорошо ориентирующегося в конъюнктуре местного и международного лесных рынков, заинтересованного в развитии путей сообщения и законодательном регулировании лесного промысла, способного к организации для защиты своих интересов[36].

В течении XIX века на Беларуси постепенно сложилась новая социальная группа — предприниматели. Их объединяло не сослов-

[33] В. И. Денисов, *Ярмарки*, Москва 1911, с. 45-47.

[34] И. Канделаки, *Роль ярмарок в русской торговле*, Санкт-Петербург 1914, с. 51-60.

[35] В. И. Денисов, *Ярмарки*, с. 47.

[36] См.: *Труды совещания лесопромышленников в гор. Гомеле (с 4 по 8 января 1905 года)*, Киев 1905; *Протокол общего собрания членов Союза лесопромышленников Северо-Западного края 7 января 1908 г.*, Вильна 1908; *Протокол общего собрания членов Союза лесопромышленников Северо-Западного края 21 февраля 1910 г.*, Вильна 1910; *Протоколы внеочередного Всероссийского съезда лесовладельцев и лесохозяев в Санкт-Петербурге 23-27 января 1911 г.*, Санкт-Петербург 1911; А. Ю. Моравский, *Нужды Северо-Западных лесопромышленников и лесовладельцев по отношению к пересматриваемому торговому договору с Германией*, Вильна 1914; Х. Г. Коробков, *Эко-*

ное происхождение или имущественное положение, а способность вести дело на основах рыночной экономики. Это был новый тип организаторов капиталистического производства, с глубокими знаниями техники и технологии производства, готовых нести ответственность за свои решения, проводивших энергичную социальную политику на своих предприятиях и принимавших активное участие в общественно-политической жизни. При формировании этой социальной категории выразительно выявилась нивелирующая общественная роль рыночной экономики. Например, для вхождения в эту группу не было препятствий сословного или этно-конфессионального характера.

Владение капиталом и занятие предпринимательством ломало сословные рамки Российской империи. Для предпринимателей достижение экономических свобод означало и преодоление ограничений сословно-феодальной системы самодержавия на пути к политической свободе. И это было отражением общемировой тенденции: повсюду политической демократии предшествует демократия рынка. Основными источниками формирования буржуазии Беларуси были представители дворянского и купеческого сословий, в меньшей степени — выходцы из мещан и крестьянства.

Именно в уникальном опыте предпринимателей ярче всего проявились местные, типичные для Беларуси, экономические особенности.

Нередко фигура предпринимателя объединяла черты представителей разных слоев буржуазии. Например, дворянин Игуменского уезда Адам Ельский с 1887 года на протяжении почти двух десятилетий был членом учетного комитета Минского отделения Государственного банка и одновременно агентом частного Виленского земельного банка, вместе с братом владел имением Гольна в Гродненской губернии (600 десятин земли), к тому же ему принадлежала четвертая часть механического и чугуннолитейного завода в Варшаве, земельный участок и дом в Минске на Подгорной улице. Так что перед нами в одном лице и банкир, и помещик, и фабрикант, и домовладелец[37].

Значительная часть местных предпринимателей выросла из среды проживавших на белорусских землях евреев — купцов и мещан. Согласно переписи 1897 г. в купеческом сословии пяти белорусских губерний евреи составляли 84,5%, русские — 10,7% и только 1,7%

номическая роль евреев в русской лесной торговле и промышленности, Петроград 1914.

[37] А. Киштымов, *Ельские: опыт сельских хозяев (19 — начало 20 вв.)*, [в:] *Дзеля блізкіх і прышласці*, Мінск 1999, с. 114-115.

были белорусами[38]. В то же время еврейская буржуазия являлась собственником более половины (51%) фабрик и заводов.

Людей, приехавших из-за границы и рискнувших завести свое дело на белорусской земле, среди предпринимателей было относительно немного. Однако в общей структуре экономики их предприятия нередко занимали исключительное место, заметно выделяясь по типу и специализации производства, его масштабам, техническому и технологическому совершенству. Преобладали среди капиталистов-иностранцев выходцы из Германии[39].

Белорусская национальная буржуазия во второй половине XIX — начале XX века находилась еще в стадии становления и представляла собой наиболее слабую прослойку местной многонациональной буржуазии. Среди белорусов не было сколько-нибудь значительного пласта крупной и средней промышленной бужуазии. Чаще белорусы встречались среди владельцев мелких предприятий, размещенных в сельской местности — мельниц, гончарных мастерских, кирпичных заводов.

При этом традиционое деление буржуазии на крупную, среднюю и мелкую носит весьма условный характер. Тот, кто по сельским или местечковым меркам мог считаться весьма зажиточным, в городе или на всероссийском уровне таким не был. К тому же, его имущественное положение могло весьма существенно менятся с ходом времени и не всегда в точности совпадало с общественным и политическим влиянием отдельных предпринимателей.

Элиту белорусской буржуазии представляли менеджеры — наемные управляющие капиталистическими предприятими. Хотя самого термина — менеджер — в то время еще не существовало, можно с достаточной уверенностью говорить о той значительной роли, которую играли в белорусской экономике директора фабрик и заводов, администрация казенных железных дорог, банкиры, управляющие крупными имениями. Менеджеры действовали как в государственных, так и в частных областях экономики — в промышленности, на транспорте, в аграрном секторе. Они выделялись организаторскими способностями, образованием, экономическим образом мышления.

Если в сельскохозяйственном производстве наемный управляющий в имении, причем, иногда — иностранец, был для Бе-

[38] *Нарысы гісторыі Беларусі ў 2-х частках*, ч. 1, Мінск 1994, с. 341.

[39] А. Л. Киштымов, *Германские капиталы и немецкие предприниматели в экономике Беларуси XIX — начала XX в.*, [в:] *Беларусіка*, кн. 7, Мінск 1996, с. 13-21; А. Кіштымаў, *Удзел замежных прадпрымальнікаў і фінансістаў у развіцці прамысловасці і транспарту Беларусі (канец XVIII — пачатак XX ст.)*, „Штогоднік Інстытута гісторыі НАН Беларусі", 1999, Мінск 1999, с. 57-63.

ларуси довольно традиционной фигурой, то в области промышленности подобное стало отчетливо проявляться лишь в пореформенный период. От наемного управляющего оставался один шаг до менеджера, который сочетает выполнение управленческих функций с личным участием в формировании и распределении капитала либо в качестве акционера, либо в форме прямого получения части прибыли. В этом смысле первым классическим образцом менеджеризма на белорусской земле является многолетняя деятельность директора-распорядителя Добрушской писчебумажной фабрики Антона Игнатьевича Стульгинского (1851-1915)[40].

Предприниматели являлись ключевой фигурой в успехах белорусской экономики. С второй половны XX века они стали оказывать воздействие на государственную экономическую политику не только путем собственных экономических усилий, но и через свои предпринимательские представительские организации. Наибольшим влиянием в Беларуси пользовались общества сельских хозяев (существовали во всех белорусских губерниях и ряде уездов), съезды предпринимателей (фабрикантов, судопромышленников, лесоторговцев, банкиров, коммивояжеров) и их отраслевые организации (например, Общество винокуренных заводчиков Северо-Западного края). В начале XX века предприниматели заняли господствующее место в белорусском истеблишменте.

Безусловно, наше основное внимание было обращено на „топы" в белорусской экономике. У ее развития была и своя обратная сторона, в описании которой преуспела белорусская советская историография. Однако теневые стороны капитализма на самом деле объясняются не тем, что его было „много", а тем, что „мало". Лидеры в рыночной экономике как раз и демонстрировали возможно достижимый высший уровень ее развития, их роль заключалась в создании экономического прецедента и стимуляции остальных субъектов народного хозяйства.

В начале XX века Беларусь, располагаясь между крупнейшими промышленными центрами Российской империи — Петербургом, Москвой, Украиной, Царством Польским, Ригой — успешно развивала различные отрасли промышленности, сельское хозяйство, вела разработку лесных богатств, принимала участие в международных экономических отношениях.

[40] Подробно о его деятельности см.: А. Л. Киштымов, *Добрушская бумажная фабрика: опыт социальной политики директора-распорядителя А. И. Стульгинского (80-е годы XIX в. — 1915 г.)*, „Предпринимательство в Белоруссии", 2000, № 7 (28), с. 29-31.

Беларусь оказалась в числе тех регионов Российской империи, которые раньше других исчерпали возможности экстенсивного развития экономики. Она имела экспортно-ориентированное производство, обладала достаточно совершенной для своего времени рыночной инфраструктурой и развитой сетью путей сообщений, с конца XIX века в полной мере использовала стабильную общегосударственную валютно-финансовую систему. Потребности внутреннего белорусского рынка частично покрывались за счет импорта. Избыток рабочей силы в белорусских губерниях искал и находил себе применение за пределами Беларуси, в том числе и за рубежом. Отдельные отрасли белорусской экономики развивались за счет иностранных инвесторов.

Первая мировая война и последующие исторические события подвели черту предыдущему циклу экономического развития. Циклу, который можно назвать „первой индустриализацией" Беларуси. Именно тогда был создан ее экономический фундамент, который значительно трансформировался уже познее, на протяжении XX столетия, в новых исторических условиях.

Нельзя сказать, что Беларусь целиком усвоила программу классического капиталистического университета. Но то, что ее народы перед началом мировой бойни прошли хорошую школу капитализма — бесспорно.

Хотелось бы особо отметить, что мы не находим исторического подтверждения тезису о Беларуси, как о поле, на котором происходило столкновение польских и российских экономических интересов, и о том, что именно это определяло развитие общества. В свое время этот тезис имел весьма широкое хождение. Так, А. Цвикевич в предисловии к своей блестящей работе „Западноруссизм" пишет: „У сваёй працы, як убачыць чытач, я паставіў адну галоўную тэзу: развіццё грамадзка-культурнага жыцьця на Беларусі ўвесь час знаходзілася ў беспасрэднай залежнасьці ад барацьбы польскага і расійскага капіталу за беларускі рынак"[41].

Напротив, экономика Беларуси была достаточно самостоятельна чтобы обслуживать собственный рынок, занимать свою собственную нишу во всероссийском рынке и независимо участвовать в международном разделении труда.

Принципиально важно подчеркнуть, что вся эволюция народного хозяйства Беларуси в XIX — начале XX вв. проходила в условиях развития рыночных экономических отношений. Рынок стал главным рычагом структурной перестройки белорусской экономи-

[41] А. Цьвікевіч, *„Западно-руссизм: Нарысы з гісторыі грамадзкай мысьлі на Беларусі ў XIX і пачатку XX в.*, 2-е выд., Мінск 1993. с. 5.

ки, он определил пути ее трансформации и новое лицо белорусского общества.

Признание тождественности буржуазного и национального государства стало одной из исторических аксиом. Перед первой мировой войной народное хозяйство Беларуси находилось на подъеме и было вполне способно стать экономической основой национального государства. Но такая политическая задача тогда еще не была сформулирована белорусской национальной идеей, которая не шла далее пожелания автономии или идеи федерализма. А к тому времени, когда в результате развала Российской империи такая задача создания национального государства встала на повестку дня, бесспорными лидерами белорусского национального движения были политики левых взглядов.

Даже весной 1921 г., в апреле-мае, уже после заключения Рижского мирного договора, в „Поклічы да працуючых вёскі і месца Беларусі" подчеркивалось:

„Працуючыя — гэта селяне, што самі абрабляюць зямлю, работнікі, вучыцяля, адвакаты, інжэнеры, дахтары і навогул уся інтэлігенцыя, што жыве з працы сваіх уласных рук не карыстаючыся, пры гэтым, ніякой пастароньняй рэштай, якая складаецца з працоўнага прыбытку.

Непрацуючыя — абшарнікі, фабрыканты, банкіры, купцы, спэкулянты.

Паміж працуючымі і непрацуючымі існуюць вялікія клясавыя супярэчнасці. Гэтыя супярэчнасці на Беларусі шмат у якіх выпадках саўпадаюць з супярэчнасцямі нацыянальнымі.

(...) Рэвалюцыя соцыяльная і рэвалюцыя нацыянальная на Беларусі — гэта есць дзьве стараны аднаго цэлага. Высвабаджэньне сацыяльнае, як і нацыянальнае, гэта есць неабходная прэдпасылка адраджэньня Беларусі. Таму вядучы барацьбу за адраджэньне Беларусі, ня ў якім разе нельга рабіць націск на адну старану справы — на адварот, большы націск трэба заўсёды рабіць на старану сацыяльную, як больш даступную для ўразумення працуючай грамадзе"[42].

Обращаясь исключительно к „працуючым", выдвигая на первый план лозунги классовой борьбы, ведущие идеологи белорусского Возрождения заведомо сужали социальную базу белорусской государственности. Между тем, именно в руках „непрацуючых", в руках предпринимателей, были основные рычаги экономической жизни края, именно они могли эффективно решить задачу восстановления народного хозяйства, разрушенного первой мировой войной, именно они обладали опытом управления и администрирова-

[42] Национальный архив Республики Беларусь, ф. 325, оп. 1, д. 56, л. 56-57, 61.

ния, столь необходимым в деле государственного строительства. Именно „буржуи” были объявлены вне закона в большевистской России, именно они в первую очередь были заинтересованы в том, чтобы отгородиться от большевистского хаоса рамками новой государственности. Именно они могли бы вести плодотворную переговорную политику со странами Антанты, которые стали гарантами новых послевоенных национальных государств в Европе. Весь этот потенциал не был использован и даже не учитывался белорусской национальной идеей.

Белорусская национальная идея начала XX века попыталась совместить несовместимое: социалистическую и национальную идеологию. В исторической перспективе задача создания национального государства методами классовой борьбы была еще более утопична, чем программа установления „диктатуры пролетариата” во всемирно-историческом масштабе. Именно в этом состоял истинный трагизм деятелей белорусского национального движения, именно это предрешило историческую судьбу Белорусской Народной Республики и, в конечном итоге, их самих.

По большому счету, за социалистической фразеологией всегда скрывается нежелание и неумение заниматься экономическими проблемами. Увы, „призрак коммунизма” совратил молодую белорусскую национальную идею. Счастья этот брак не принес. Его последствия ощущаются и сегодня.

Победили те, кто сосредоточился на чем-то одном. Соседи с запада сумели объединить общество внеклассовой идеей возрождения Польши. А в псевдосоциалистической риторике не было равных большевикам. Итог известен: белорусская национальная идея проиграла, белорусские этнические земли поделили между собой новые государства.

Успех был там, где борьба за национальное государство совпала с борьбой против большевистской угрозы: в Финляндии, Эстонии, Латвии, Литве, Польше. Бывший социалист Юзеф Пилсудский отказался от левых заблуждений юности и создал новую польскую государственность. Бывший эсер Всеволод Игнатовский стал большевиком и трагически погиб.

На наш взгляд, в начале XX века из всего спектра политических сил на Беларуси наиболее трезвым и взвешенным подходом к проблемам экономики отличались „краёвцы”. Но как политического, так и экономического ресурса для того, чтобы возглавить и обеспечить становление белорусской государственности у них явно не хватало.

В свете этого, совсем не случайно выглядит появление во главе правительства БНР Романа Скирмунта, как, впрочем, и его уход с этого поста.

Если же еще говорить о персоналиях, то следует назвать имя Антона Луцкевича, особенно в тот период, когда он был близок к „краёвцам". В своих оценках экономического состояния Беларуси он стоял на более реалистичной платформе, чем многие его соратники.

Великолепным знанием современной экономики и механизмов взаимодействия государственной экономической политики и частной экономической инициативы обладал М. В. Довнар-Запольский. Он был не только кабинетным ученым, но и проявил себя отличным администратором и дипломатом. В „Асновах дзяржаўнасьці Беларусі" М. В. Довнар-Запольский подчеркивал „эканамічную абасобленнасьць Беларусі" и ее „гаспадарсьцьвеную незалежнасьць" в начале XX века[43]. Но, увы, и здесь пути ведущих белорусских идеологов и того, кто лучше их понимал экономические реалии, разошлись.

Либо социализм без Беларуси, либо Беларусь без социализма. Первый вариант мы уже имели. К реализации второго — пока еще по серьезному и не приступали.

Streszczenie

Po pierwszej wojnie światowej Białoruś nie stała się, wzorem innych państw, zwartą przestrzenią polityczną i ekonomiczną. Podział polityczny pogrążył białoruską ekonomikę, dość dynamicznie rozwijającą się przed 1914 rokiem. Teza radzieckiej historiografii o zacofaniu cywilizacyjnym Białorusi na początku XX w. nie znajduje potwierdzenia w faktach. Tempo rozwoju ekonomicznego Białorusi było znacznie szybsze niż Rosji i Ukrainy. W latach 1900-1913 dochód narodowy uległ podwojeniu. Od końca XIX w. następowała dość szybka modernizacja społeczeństwa Białorusi, zarówno w sferze ekonomicznej, jak socjalnej i kulturowej. Powstawać zaczęły warunki do formowania się nowoczesnego narodu. Dawne podziały na białoruskich chłopów, polską szlachtę i żydowską warstwę kupiecko-rzemieślniczą zastępowały nowe — odpowiadające kształtującej się strukturze własności. Stosunki agrarne na Białorusi na przełomie XIX i XX w. miały więcej cech wspólnych z tymi, które panowały w Polsce i nadbałtyckich guberniach niż na terenie Rosji. Występowała bardzo wyraźna tendencja tworzenia się gospodarki wolnorynkowej. Katoliccy ziemianie, przegrawszy polityczne starcia z państwem rosyjskim, dość skutecznie umacniali swoje pozycje w sferze ekonomiki. O tempie rozwoju gospodarczego Białorusi świadczy największa w Imperium gęstość linii kolejowych. Porównanie masy towarowej wwożonej do Białorusi i wywożonej z niej świadczy o tym, iż jej gospodarka wytwarzała znaczne nadwyżki, które eksportowano głównie do Rosji.

[43] М. В. Доўнар-Запольскі, *Асновы дзяржаўнасьці Беларусі*, Вільня 1919, с. 14.